

Sarmela M. Reciprocity systems of the rural society in the Finnish—Karelian culture area. With special reference to social intercourse of the youth. Helsinki, 1969. FFC. № 208. S. 32.

- ¹¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины. XIX—XX вв. Л., 1988. С. 217.
- ¹² Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994. С. 53.
- ¹³ Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л., 1977. С. 49.
- ¹⁴ Архив Карельского научного центра. Ф. I. Оп. I Колл. 105. (№ 1). Л. 6 (полевые материалы автора).
- ¹⁵ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 554.
- ¹⁶ Малиновская З. П. Материалы по этнографии вепсов//Западнофинский сборник. Л., 1930. С. 189.
- ¹⁷ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX века. Л., 1984. С. 5.
- ¹⁸ Мальми В. В. Народные танцы Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 105, 110—113.
- ¹⁹ Громыко М. М. Указ. раб. С. 248.
- ²⁰ Мальми В. В. Указ. раб. С. 104.
- ²¹ Мальми В. В. Народные игры Карелии. Петрозаводск, 1987. С. 102.
- ²² Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепского языка. Л., 1972. Л. 20; Винокурова И. Ю. Календарные обычаи... С. 41.
- ²³ Петровей — название зимнего праздника Петрова дня (16.01).
- ²⁴ Сурхаско Ю. Ю. Указ. раб. С. 202.
- ²⁵ Громыко М. М. Указ. раб. С. 239.
- ²⁶ Духовная культура сегозерских карел. С. 14.
- ²⁷ Бирин В. Н. Демографическая ситуация у вепсов Карелии в 1950—1970-е годы//Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 48—49.
- ²⁸ Строгальщикова З. И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности//Проблемы истории и культуры вепской народности. Петрозаводск, 1989. С. 36.
- ²⁹ Жигульский К. Указ. раб. С. 86.
- ³⁰ Всего было опрошено 756 человек. Выборка соответствовала реальному половозрастному составу вепского сельского населения и составила в Карелии — 22,8%, в Ленинградской и Вологодской областях — 10,4% от общей численности вепсов от 18 лет и старше.
- ³¹ Знания оценивались по шкале: 1. Не знает. 2. Слабо знает. 3. Имеет ясное представление. 4. Очень хорошо знает//Строгальщикова З. И. Этнографический вопросник. Петрозаводск, 1983. С. 32—33.
- ³² Тульцева Л. А. Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М., 1990. С. 55.

Patronal festivals of the Northern Vepsians: traditions and present state

Local patronal festivals of the Northern Vepsians (an ethno-dialectical group within the Vepsian ethnos) are examined in the article. The author emphasizes the importance of these festivals for the Vepsian peasantry in the past; she touches upon the process of elimination of the festivals that had begun in the 1930s; she describes today's patronal festivals as they are reviving and contributing to the consolidation of the Vepsians. Of all festivals it is the patronal ones that have attracted the least attention of the ethnographers because of their Christian origin. Yet, as the Vepsian materials demonstrate, they have absorbed much of the ancient Vepsian rites showing in such activities as visiting, communal eating, open-air parties.

I. Yu. Vinokurova

© 1995 г., ЭО, № 6

А. В. Хренков

СУРМА ЭФИОПИИ

(по следам одной экспедиционной поездки)

В конце марта 1992 г., когда российско-эфиопская этносоциологическая экспедиция заканчивала полевые исследования в провинциях Кэфа и Иллубабор и готовилась отбыть в Аддис-Абебу, мне удалось выкроить в плотном графике нашей работы несколько дней и совершить короткую поездку в район Маджи, примыкающий к границам эфиопского национального парка Омо. Целью поездки

было познакомиться с наиболее, пожалуй, малоизученным, самобытным и экзотичным из малых этносов Эфиопии — сурма. Поездка эта представлялась достаточно легкой и беспроблемной, ввиду того что из Джиммы в Маджи регулярно летал маленький самолет местной авиакомпании. Предполагая, что путешествие не займет более двух-трех дней, мы вдвоем с переводчиком Тэшоме Тафесса вылетели налегке, имея при себе лишь спальные мешки, видеокамеру, фотоаппараты и диктофон.

Неожиданности начались почти сразу. Во-первых, самолет, который, как мы полагали, доставит нас прямо в Маджи к племенам сурма (ибо именно этот пункт назначения был обозначен в наших билетах), сел не в Маджи, а в поселке Тум, от которого до Маджи (не имевшего подходящего посадочного поля) было более 20 км, причем не какого-нибудь укатанного шоссе, а тяжелейших горных троп, двигаться по которым пришлось отчасти на мулах, а отчасти и пешком — там, где крутизна была слишком значительна и слишком велик риск сорваться с тропы в пропасть. Один из таких подъемов на почти отвесную скалу под названием Йиккыр Дамозе, что на одном из местных наречий означает «все прокляни и брось», я думаю, останется у нас с Тэшоме в памяти на всю жизнь.

Еще большей неожиданностью было то, что в Маджи, куда мы с трудом и значительными затратами, но все-таки добрались, сурма, как оказалось, вовсе не живут (хотя и частенько появляются на рынке в Маджи), а их селения находятся значительно дальше, — в одном-двух днях пути от Маджи, куда экспромтом, без предварительной подготовки, без экипировки и запасов провизии мы бы добраться уже не смогли.

Третья неожиданность, вынудившая нас с Тэшоме окончательно отказаться от продолжения попыток добраться до селений сурма, оказалась довольно экзотической: незадолго до нашего приезда в этом районе вспыхнул межплеменной конфликт на почве кровной мести, поводом к которой послужило убийство молодого воина-сурма. По рассказам местных жителей, конфликт этот отозвался засадами на горных тропах, ведущих на рынок в Маджи. Причина казалась столь необычной и неправдоподобной, что поначалу я не поверил в ее серьезность и счел за форму шантажа с целью увеличения вознаграждения проводнику. Однако Тэкэле, бывший нашим проводником до Маджи, наотрез отказался вести нас в селения сурма, заявив: «Ты белый, тебя, может и не тронут, а я своей головой рисковать не хочу».

Это обстоятельство, а также неблагоприятно складывающаяся в Маджи и Туме ситуация с провиантом (магазинов там нет; а на рынке, по случаю поста почти ничего съедобного для европейского желудка достать было нельзя) вынудили нас оставить первоначальные намерения и ограничить наше общение с сурма лишь несколькими людьми (трое мужчин и две женщины), которые на следующий день после нашего приезда все-таки появились на местном рынке. Мне сказали, что в обычное (т. е. мирное) время их здесь бывает в базарные дни до 20—30 человек.

В компенсацию за это судьба преподнесла мне подлинную удачу, подарив встречу с Герси Феттенё, молодым человеком из племени сурма, которому в отличие от большинства своих соплеменников удалось перескочить традиционные родоплеменные барьеры, получить школьное образование и даже освоить вполне современную профессию механика. Именно поэтому я считаю встречу с Герси своей большой экспедиционной удачей, потому что увидел в нем человека, способного взглянуть на свой народ не только изнутри, будучи частью его, но как бы и снаружи, глазами человека со стороны.

В лице Герси я нашел великолепного информатора, с увлечением и охотой рассказывавшего о жизни своего народа (он прекрасно говорил на амхарском). Магнитофонная запись наших бесед с Герси и послужила главным источником при написании данного очерка.

Учитывая специфику такого своеобразного источника, как интервью, я заранее прошу у читателя прощения за очевидную неполноту и, может быть, некото-

рую однобокость данного очерка, которые я постарался дополнить и уравновесить сведениями из доступных мне зарубежных справочных материалов о сурма (в нашей африканистике о них никогда не писали), которые, хотя и значительно устарели и далеко не во всем достоверны, все же позволяют иногда восполнить недостающие фрагменты целостной картины жизни, быта и мировоззрения сурма, которые не нашли отражения в наших беседах с Герси.

Территория и этнолингвистические характеристики. Группа племен сурма населяют горные районы юго-западной Эфиопии близ ее границ с Кенией и Суданом. Географически ареал их обитания ограничен с востока р. Омо в нижнем ее течении, а с запада и юга — р. Кибिश и суданской границей. Ближайшими соседями сурма, близкими им по уровню социального развития, культуре и отчасти языку, являются племена *каро, мурси, сури, мекан, хамар, боди, буми*. К северу от сурма вплоть до впадения р. Баро в Белый Нил проживают племена *маджи, ануак* и *нуэр*. Часто исследователи называют этот район, зажатый между высокими горами Центрального Эфиопского нагорья, принильскими болотами и безлюдными пустынями кенийско-эфиопской границы, «затерянным миром»¹. Многочисленные мелкие племена этого района нельзя, конечно, уподобить обитателям амазонских джунглей, хотя бы потому, что их контакты с другими, более цивилизованными народами Эфиопии и даже с европейцами случаются гораздо чаще, да и кое-какие блага цивилизации, начиная от посуды и одежды и кончая огнестрельным оружием (вплоть до автоматического), им уже знакомы. И все же многое в быте и общественном укладе этих народов остается и сохраняется в таком же виде, как и столетия назад.

По принятой у нас классификации, довольно условной и приблизительной, язык сурма относится к шари-нильской группе нило-сахарской языковой семьи². В западной литературе эту языковую семью называют нилотской или судано-нилотской, так как ее представители говорят на нилотских языках южносуданского типа. Однако если народы нуэр, внуак и буми являются типичными нилстами, то подгруппа сури-сурма-мекан стоит от них несколько особняком. Языки, на которых говорят эти малочисленные народы, не схожи с языками их соседей нилотов и в то же время близки между собой³. Поэтому некоторые западные научные авторитеты выделяют эти народы в особую группу, называя их нилохамитами и считая остатками очень древнего пласта хамитских народов, вытесненных далеко в глубь материка последовательными волнами пришельцев-кушитов с востока⁴.

Что касается собственно сурма, то итальянский ученый Конти Россини полагал, что это название может быть именем собирательным и употребляться по отношению к нескольким племенам данного района⁵. Э. Черулли под именем «сурма» объединяет племена *тырма (тирма), тыд (тид)* и *зильмаму*. Существует и мнение, что «тырма» может быть просто синонимом «сурма»⁶. По мнению М. Марчетти, тырма — крупнейший из племенных кланов сурма, проживающий в окрестностях Маджи, а также на реке Кибिश и горах Тыд и Бирино⁷.

Полагают, что сурма (тырма) пришли в места их нынешнего обитания с низовьев р. Омо. Отчасти это подтверждается и устной традицией народа сури⁸. Л. Нальдер утверждает, в частности, что сурма являются ветвью народа сури с плато Бомо⁹. Мнение это основывается на том особом уважении, которое крупнейшие кланы сурма (в частности, тырма и тыд) оказывают главе племени сури, хотя это может объясняться также и их подчиненным по отношению к сури положением. Р. Лит, противореча Л. Нальдеру, утверждает, что отношения сури и сурма отнюдь не дружественные и оба племени отрицают свою принадлежность к одному народу или свое происхождение от одного общего предка¹⁰.

Впрочем, в этом вопросе у ученых существует столько путаницы, что едва ли окажется успешной любая попытка «подогнать» эти племена под четкие и ясные этнолингвистические категории.

Роды и кланы. Согласно М. Марчетти, сурма не имеют общего верховного вождя, а управляются вождями кланов — *балабатами* и родовыми ста-

рейшинами, которых они называют *комурут*. Последние носят особые знаки отличия из слоновой кости, скипетр (жезл) и рог, в который трубят, возвещая о своем приближении. У клана тырма родовые старейшины пользуются большим авторитетом, чем вождь клана — балабат.

Замещение должности главы рода происходит у тырма по отцовской линии от отца к сыну. После смерти отца его старший сын некоторое время (около месяца) скрывается от своих подданных, после чего старейшины являют его в качестве нового вождя народу и «официально» передают ему власть над людьми селения¹¹.

Поселения и хозяйственный и бытовой уклад. Живут сурма крупными поселениями по тысяче человек и более. У них, как в свое время у *оромо*, существует обычай называть свои селения по имени наиболее авторитетных вождей (может быть, глав родов)¹².

В одной деревне живут обыкновенно несколько десятков больших семей, поселящихся, как правило, из одного рода.

Поселок сурма состоит из больших, огороженных плетнями дворов, — *краалей*, — внутри которых помещаются жилые и хозяйственные постройки. В каждом таком дворе проживает одна семья, состоящая из главы семейства, его жен (у сурма распространено многоженство) и детей. На ночь этот огороженный двор становится еще и загонем для скота, который пригоняют с ближних пастбищ.

Хижины сурма куполообразные, круглые в плане с островерхими соломенными крышами. Это так называемый *тукуль*, распространенный, с некоторыми видоизменениями, почти во всей Тропической Африке от Судана до Зимбабве. Крыша дома опирается на большой центральный столб (реже на несколько столбов), а по периметру поддерживается каркасом из ветвей и соломы, скрепленной для прочности жидкой грязью пополам с коровьим навозом. Под крышей имеется чердак с решетчатым полом, который служит одновременно зернохранилищем¹³. В центре дома находится очаг, вокруг которого расположены лежа чашеобразной формы. Домашняя утварь очень бедна: грубые гончарные изделия собственного изготовления, колбасы, бутылки, чаши из высушенной и выдолбленной тыквы, жернова для помола зерна, небольшие железные топоры с Г-образной рукояткой, тяжелые заступы-мотыги для рытья земли и обработки полей.

По своему хозяйственному укладу сурма являются оседлыми скотоводами, занимающимися отгонно-пастбищным скотоводством. Разводят по преимуществу крупный рогатый скот африканской породы зебу, а также коз и овец. Земледелие имеет второстепенный, подсобный характер, хотя его продукты составляют основу ежедневного питания сурма. Земледелием у сурма занимаются почти исключительно женщины и дети. Земледелие у них мотыжное, плуга или сохи они не знают. Из зерновых выращивают преимущественно кукурузу и дурру (сорго), в меньшей степени — просо и ячмень. Из прочих — главным образом табак. В долинах рек выращивают два урожая в год. Перед севом и накануне сбора урожая женщины и подростки переселяются из деревни ближе к полям, где строят временные хижины. Делается это для того, чтобы сохранить только что высеванное зерно от птиц или защитить от поедания созревающий урожай¹⁴.

Охота в жизни сурма играет в настоящее время довольно незначительную роль. Ею занимаются по преимуществу наименее обеспеченные члены племени — молодые мужчины, не имеющие своего скота, или, например, младшие неженатые сыновья в больших семьях. Вообще охота в глазах сурма является занятием не самым престижным и постоянно ею занимаются у них лишь лица, имеющие в племени пониженный социальный статус, материально зависимые или же нуждающиеся в дополнительном приработке. Возможно, здесь проявляется присущее многим скотоводам Восточной Африки общественное разделение труда между возрастными группами (классами), но утверждать это безусловно у меня нет достаточных оснований, так как этот вопрос в моих интервью с сурма не поднимался. Охотятся сурма только в сухой сезон, устраивая облавы на крупную дичь. Для охоты они используют также замаскированные петли-ловушки.

Повсеместное распространение в этих местах в последние десятилетия огнестрельного оружия вызвало значительное истощение богатой некогда фауны принильских джунглей. Это привело к еще большему падению роли охоты в жизни народов данного региона, о чем можно, в частности, судить по заметному сокращению числа традиционных украшений из слоновой кости и зубов диких животных на представителях этих племен.

В междуречье Омо, Баро и Кибиса процветает меновая торговля, как между самими обитателями этих мест, так и с соседними, более развитыми народами: *амхара, оромо, дизи*. Предметом торговли со стороны сурма являются шкуры диких и домашних животных, дикий мед, табачный лист, дикорастущий кофе, коровье масло, куриные и птичьи яйца, ранее также слоновая кость; со стороны соседей — хлопчатобумажные ткани, металлические изделия, украшения, а также оружие и боеприпасы.

П и щ а. Мясо, за исключением дичи, сурма употребляют в пищу редко, несмотря на обилие скота. Их основным питанием является похлебка из муки (кукурузной или сорго), сваренной или просто разведенной в воде (т. е. каша или тюря), испеченные на углях початки кукурузы, просяные лепешки, молоко, коровье масло, мед, птичьи и куриные яйца. Излюбленным лакомством сурма, как и многих других традиционных скотоводов Африки, является бычья кровь, смешанная с молоком. Для этого короткой полой стрелой взрослому быку пронзают яремную вену и сцеживают из нее в колебасу около литра крови. Еще теплую кровь смешивают с парным молоком и пьют. Быка при этом никогда не убивают, а ранку на шее быка после кровопускания тщательно заклеивают жидкой грязью. Сурма считают, что бычья кровь ускоряет рост у мальчиков, мужчинам придает силу, а женщинам помогает от бесплодия¹⁵.

Сурма не считают зазорным есть мясо павшего домашнего скота. Свежее мясо, кроме мяса дичи, едят лишь в редких праздничных случаях, причем всегда только сырым. Для таких особых случаев скот забивают специально.

Наиболее распространенным напитком у сурма является молоко и *бордэ*, напиток светло-коричневого цвета, который приготавливают из ячменя, но в отличие от амхарского пива *телла* или оромского *бырса* — без добавления в него листьев растения гешо, которое повсюду в Эфиопии используют вместо дрожжей. Не исключено, однако, что вместо гешо употребляются другие сбраживающие добавки, например слюна, так как бордэ, по словам моего информатора, напиток слабоалкогольный.

О де ж да. В теплое время большинство мужчин сурма не носит вообще никакой одежды, если не считать тонкой веревочки на поясе, с которой иногда свисают несколько шнурков, украшенных бисером или подвесками. Женщины драпируются более основательно: дома — в козы, а во время полевых работ — в более грубые бычьи шкуры, оборачивая их вокруг бедер, а в прохладное время еще и накидывают их на плечи. Называется такое кожаное одеяние *кода*¹⁶. Наряду с традиционным *кода* женщины сурма все чаще носят распространенную по всей Эфиопии *шамму* — плотную неокрашенную хлопчатобумажную ткань, что является свидетельством растущего влияния среди сурма культуры соседних, более цивилизованных народов, у которых *шамма* является почти неизменным атрибутом традиционной одежды. Девушки сурма, встреченные мной в Маджи, были одеты именно в *шамму*, хотя в манере драпироваться в нее у них не было того умения и особого изящества, с которым это делают, например, амхарки или тиграйки.

Мужчины сурма тоже не красовались в Маджи в костюме Адама, а были одеты, правда, на свой лад: в короткие рубашки, но без брюк или какого-нибудь их подобия. Очевидно, у них не принято скрывать свое мужское достоинство. А рубашки... ну почему бы и не воспользоваться доступными благами цивилизации, да и удобно. К тому же, на рынке, среди иноплеменников, они чувствовали себя в рубашках увереннее, действия в соответствии с поговоркой: «если ты в Риме — поступай как римлянин». У себя в селении сурма, как правило, так не одеваются, предпочитая «более естественный стиль». В целом, одежда из ткани или, точнее,

ее отдельные фрагменты появились у сурма сравнительно недавно (еще несколько десятков лет назад они ее практически не знали и носили одежду исключительно из выделенных шкур домашних животных или вообще одежды не употребляли).

У к р а ш е н и я. Как у многих других африканских народов, излюбленными и самыми распространенными украшениями являются у сурма ручные и ножные браслеты. Первые называются *чоле*, вторые — *сиги*. Браслеты носят как мужчины, так и женщины. Их надевают ребенку почти с грудного возраста. Браслеты носят на запястьях, на щиколотках, а также на предплечьях выше локтя и на лодыжках под коленом. Мужчины обычно ограничиваются одним-двумя браслетами, женщины надевают подряд один из другим три-четыре и более. Браслеты изготавливаются из легкоплавких и мягких металлов, преимущественно олова и меди, источником которой служит зачастую приобретаемая на рынке металлическая посуда. Впрочем, на рынке можно приобрести и уже готовые украшения. Мне приходилось видеть на сурма браслеты двух видов: привьючные круглые со слегка разомкнутыми концами и многорядные спиралевидные, похожие на короткую пружину. Носят сурма и шейные украшения (бусы) из бисера, из нанизанных на нитку зерен или из коротко нарезанных и окрашенных в разные цвета кусочков полого тростника.

Особого рода «украшением», которым отличаются женщины сурма, являются губные дощечки. О них следует сказать отдельно, так как сурма относятся к немногочисленным сохраняющимся еще на земле племенам, женщины которых продолжают носить губные пластинки. По достижении девушкой 20-летнего возраста ее нижнюю губу протыкают и в образовавшуюся прорезь вставляют небольшую гладко обструганную овальную, реже трапециевидную дощечку или пластинку из обожженной глины. Когда губа несколько подрастает, пластинку меняют на другую — большего размера, затем еще большего и так далее в зависимости от желания или, может быть, амбиций семьи, так как существует мнение, что величина дощечки у девушек сурма напрямую связана с размером выкупа за нее¹⁷. Наибольшего размера губные вставки, которые мне приходилось видеть, не превышали в длину 20 см, но говорят, что встречаются и значительно больше.

Причина, по которой женщины сурма так обезображивают свою внешность, мне неизвестна. Отвечает ли это их представлениям о красоте или имеет какой-то практический или сакральный смысл, сказать трудно. На этот счет существует несколько версий. Одна из них относит зарождение данной традиции у нилотских народов Эфиопии к временам работорговли, которая существовала в этих местах вплоть до конца прошлого века. Тогда уродование молодых женщин делалось для того, чтобы сделать их менее привлекательными для охотников за рабами, ищущих девушек без внешних дефектов для продажи в услужение и в гаремы. Другая версия связывает данный обычай с бытующими у сурма и родственных им народов религиозными поверьями в «порчу» и «слаз». Злой дух, по их поверьям, проникает в человека через его естественные отверстия, и особенно через рот. Таким образом, вставленная в нижнюю губу глиняная или деревянная дощечка, практически полностью закрывающая рот, служит как бы заслоном для проникновения извне злого начала¹⁸. Третья версия, как уже сказано, исходит из практического значения губных пластинок. Согласно ей, величина дощечки символизирует общественный вес семьи девушки и размер выкупа, который придется заплатить молодому человеку, желающему взять ее в жены. Таким образом, особо крупная губная дощечка как бы говорит за ее владелицу: «Малоимущих просят не беспокоиться!». Связь между размером губной вставки и размером выкупа действительно существует, однако она все же не объясняет природы происхождения данного обычая. Не выдерживает серьезной критики и первая версия, так как губа протыкается и растягивается девушками сурма лишь по достижении ими брачного возраста (примерно в 20 лет), что в принципе не мешало работорговцам удовлетворять потребности в рабынях за счет девочек и девушек более молодого

возраста. Сомнительна и вторая версия, так как помимо рта в теле есть и другие отверстия, которые никак не закрываются, тем более, что во время приема пищи, когда существует наибольший риск сглаза, дощечка изо рта все равно вынимается. Впрочем, у многих народов Эфиопии (и скорее всего также и у сурма) есть в обществе посторонних людей не принято. При посторонних дощечка всегда вставлена. Если даже встреча произошла неожиданно, то женщина должна закрыть область рта рукой или приложить ко рту пальмовый лист¹⁹.

Однако, какой бы причиной ни объяснялось возникновение данного обычая, подобная операция с собственной губой придает в общем-то миловидным (даже по европейским меркам) лицам девушек сурма довольно хищное и агрессивное выражение. Особенно когда губная дощечка вынута и сморщенная губа свисает ниже подбородка, напоминая то ли торчащие наружу клыки, то ли короткую уздечку.

Помимо нижней губы сурма аналогичным образом протыкают и растягивают также мочки ушей, вставляя в них круглые диски из обожженной глины или дерева, которые часто окрашивают в разные цвета. И если относительно назначения губных дощечек еще могут быть различные мнения, то эти последние совершенно очевидно служат только украшением.

П р и ч е с к и. Мужчины и женщины сурма обривают, как правило, себе всю или же значительную часть головы. Мужчины чаще всего оставляют на макушке пучки волос различной, порой весьма замысловатой формы. Это может быть правильный квадрат, тонкая полоска поперек черепа, иногда крест (когда продольная и поперечная полосы скрещиваются на темени), при этом они такие тонкие, что напоминают два черных шнура от ботинок на до блеска обритом черепе. Незамужние девушки сурма чаще всего бреются наголо, а вот замужние обычно оставляют на макушке небольшой кружок или квадратик волос наподобие шапочки каноника. В отношении причесок есть следующий нюанс: если в семье рождается двойня, то таким детям волос с самого рождения не бреют вовсе. Если же родители все-таки решили их побрить, то прежде забивают черного барана, состригают с него шерсть и, лишь совершив этот обряд, родители стригут детей-двойняшек. Говоря о прическах сурма, следует отметить, что вариантов причесок у них встречается значительно больше, чем типичных случаев, по которым их можно было бы объяснить конкретными половозрастными, клановыми или социально-имущественными различиями. Очевидно, в этом вопросе у сурма нет единого знаменателя и на общепринятые кланово-племенные традиции накладываются личные вкусы и пристрастия.

Религиозные воззрения и погребальные обряды. Относительно религиозных верований сурма мне удалось узнать сравнительно немного. Но, насколько я мог судить из расспросов, религии, в строгом смысле этого слова, как какой-то последовательной и стройной системы верований, сурма не исповедуют, как нет у них и жрецов или иных профессиональных служителей культа, если не относить к таковым колдунов — *калича*, к услугам которых они обращаются в затруднительных случаях и которые занимаются магией и, возможно, врачеванием. Религиозные верования сурма, анимистические в своей основе, строятся на обожествлении различных явлений и элементов природы: неба²⁰, выделяющихся своей высотой гор и холмов, больших отдельно стоящих деревьев, рек, Луны. Новолуния отмечают особо: рождение новой луны приветствуют вставленными в волосы пучками травы²¹. Верят они и в *буду*, духа-оборотня, способного причинять вред человеку и являться ему то в образе животного, то в облике человека.

На вопрос о том, верят ли сурма в загробную жизнь, мой информатор ответил отрицательно и добавил: «Умер — умер» (что следует понять, вероятно, как: «Умер и конец. Не о чем говорить»).

Покойников сурма хоронят обычно в день смерти²², за исключением тех случаев, когда смерть произошла вдали от дома. Погребают умерших в земле на глубине около двух метров. Тело в могиле кладут на правый бок и связывают покойнику руки и ноги. Труп перед погребением заворачивают в бычью шкуру или саван из ткани. Если хоронят женщину, при ней оставляют все ее украшения

и губную дощечку, если мужчину — то в могилу с ним кладут его оружие (копье и нож).

Вышеописанным способом погребают только тех, кто умер естественной смертью. Погибших же от оружия, по словам Герси, не хоронят вовсе. Их тела лишь накрывают пальмовыми листьями и предоставляют остальное стервятникам и гиенам.

Брачные обычаи и традиции. Брачные обычаи и традиции сурма значительно отличаются от таковых у жителей Центрального Эфиопского нагорья. Свадеб, как таковых, у сурма не существует. Девушек просто уводят от их родителей, после того как внесут брачный выкуп скотом (обычно от 10 до 20 коров за невесту)²³. В счет выкупа идут именно коровы, а не быки. Стоимость такого стада составляет в Эфиопии целое состояние²⁴, и понятно, что далеко не каждый мужчина может позволить себе иметь жену, даже одну. Хотя есть и такие, у которых имеется пять и более жен. Многоженство у сурма — привилегия состоятельных людей. Большинство же молодых сурма — холостяки. Таким образом, количество жен и численность скота являются у сурма главным мерилом материального благополучия и общественного авторитета.

Ранние браки не в обычае у сурма. Мужчины женятся в возрасте между 25 и 50 годами, уже достигнув определенного материального благосостояния. Девушек сурма также выдают замуж по африканским меркам довольно поздно: в 20—25 лет²⁵. Все они имеют уже к тому времени свое главное племенное «украшение» — губную дощечку.

Процедура вступления в брак довольно проста: молодой человек, желающий взять в жены приглянувшуюся ему девушку, договаривается с ее отцом относительно выкупа и срока оплаты (здесь возможны варианты) и после уплаты оговоренного выкупа забирает ее из дома родителей. Довольно часто после внесения выкупа практикуется умыкание девушки. В один прекрасный день (или ночь) жених вместе с приятелями или братьями похищает свою невесту из родительского дома. Хотя такое умыкание заранее ожидаемо и оплачено, но родственники невесты все равно поднимают на все селение нарочитый шум и, громко выражая свое возмущение «похищением», требуют от жениха добавки к уже внесенному выкупу. Обычно это немного: одна-три коровы. После согласия жениха на прибавку брак считается уже окончательно заключенным, но если прибавки не будет, то это может стать причиной иногда даже кровной ссоры между семьями жениха и невесты. Если же вопрос о прибавке согласован, то ее выплата отнюдь не всегда следует немедленно. Это можно сделать и через год и даже несколько лет.

К умыканию прибегают всегда в том случае, когда жених не может выплатить отцу девушки всего выкупа сразу и умыкание дает ему право (или возможность) просить рассрочки, которая иногда бывает довольно длительной (до нескольких лет). Для родителей «засидевшейся в девках» невесты, на руку которой по каким-то причинам не слишком много желающих, умыкание — прекрасный повод «сохранить лицо», несколько поступившись ценой, но не принципами.

Если сговор не произойдет и выкуп не будет уплачен, хотя бы задним числом, то такое нарушение, выходящее за рамки общепринятых правил, грозит молодому человеку, а возможно и его семье, самыми печальными последствиями. Он, по словам моего информатора, может считать себя уже мертвецом: вопросы семейной чести для сурма выше страха смерти или греха убийства.

Выкуп за невесту полагают выплачивать ее отцу, но потом он становится общим достоянием всей большой семьи. На часть скота от выкупа могут претендовать и его братья, и старшие сыновья. Это обстоятельство объясняет отчасти, почему молодым мужчинам сурма все-таки удается собрать выкуп по крайней мере за одну жену. На первый «взнос» нередко помогают приобрести скот родственники. Если у отца молодого сурма большое стадо и много дочерей «на выданье», он может считать себя богатым человеком и ему будет не трудно помочь одному-двум своим сыновьям обзавестись по крайней мере одной женой. Хуже

тем, у кого много взрослых сыновей и, наоборот, мало дочерей. Это означает, что младшие сыновья в семье вряд ли могут рассчитывать на помощь отца и им придется устраивать свою жизнь, в том числе семейную, самим.

Добрачные половые отношения между незамужними девушками и молодыми мужчинами не преследуются. По словам Герси, добрачная половая жизнь девушек даже поощряется, ибо «желательно, чтобы она узнала больше мужчин» и стала более искусной в любви. Есть, однако, одно существенное условие-ограничение: девушка не имеет права забеременеть. Виновник этой беременности, если он известен, платит отцу девушки штраф — одну корову. Саму же девушку ждут крупные неприятности от родителей. Поскольку у сурма дочери представляют собой конкретную меновую стоимость, за которую можно получить определенное количество голов скота, они рассматриваются их родителями как общее достояние семьи. В случае беременности и тем более рождения внебрачного ребенка выкуп, на который может претендовать семья такой девушки, будет значительно ниже обычного, кроме того, у самой девушки в последующем снижаются шансы выйти замуж, а это значит, что материальный ущерб понесет вся семья. Впрочем, подобные неприятности у сурма случаются достаточно редко. Очевидно, женщины племен знают свои, им одним известные, секреты «безопасного секса».

Выйдя замуж, молодая женщина должна забыть о тех мужчинах, с которыми встречалась до брака. Приличия сурма требуют даже, чтобы во время случайной встречи с одним из них она сделала вид, что не знает его. Супружеская неверность, по утверждению Э. Черулли, вероятно, все же несколько преувеличенному, наказывается смертью²⁶.

Вступив в брак с молодой женщиной (или, если угодно, купив себе жену), мужчина, независимо от того, какая это у него жена — первая, вторая или десятая по счету, непременно строит каждой жене свой отдельный дом. Сурма не практикуют совместного проживания жен. В этот дом жена приносит свое нехитрое приданое, состоящее, как правило, из одежды, нескольких мешков зерна кукурузы или дурры (сорго), нескольких кур, и кое-какие другие мелочи, необходимые для первоначального обустройства быта²⁷. Если семья девушки достаточно состоятельна, отец может выделить ей одну-две тельные (т. е. дающие молоко) коровы.

Мужчина же сурма, если он женат, отдельного дома, как правило, не имеет, проживая попеременно в домах своих жен, которые ставятся обычно неподалеку друг от друга, а чаще в одном большом огороженном дворе. Таким образом, мужчина у сурма ведет как бы полукочевой образ семейной жизни, переходя от одной жены к другой. Жена, кстати, если она у мужа не единственная, никогда не знает, останется ли у нее муж на эту ночь или уйдет к другой, и, чтобы выяснить это, поступает следующим образом: готовит ему из кукурузной или другой муки кашу — *гунфо* и немного прожевав ее, выдавливает изо рта на свою губную дощечку, которая имеет небольшое углубление и напоминает неглубокую тарелку, предлагая отведать угощение мужу. Если он не отказывается, значит, эту ночь он проводит с ней. В противном случае ей придется ждать другого раза.

Случаи разводов у сурма редки, однако, вопреки утверждениям Э. Черулли, они все же существуют. По сведениям, сообщенным моим информатором, дело обстоит следующим образом.

Если после нескольких недель или месяцев совместного проживания выясняется, что жена по каким-то причинам не устраивает мужа, то он имеет право отослать ее обратно в дом отца. В этом случае тесть обязан вернуть бывшему зятю весь выкуп, уплаченный ему за невесту. Если же развод случается позже и от совместного брака остался ребенок (мальчик), то муж, даже если он не желает жить больше с этой женщиной, часть уплаченного прежде за жену выкупа, а именно шесть коров, оставляет в семье бывшей жены. Это как бы «алименты» на ребенка, которому по достижении известного возраста самому придется вносить выкуп скотом за будущую жену. Соответственно, ребенок остается с матерью и воспитывается в ее семье.

Причиной развода может быть и бесплодие жены. Но такие случаи, по словам моего информатора, очень редки. Обычно, если муж любит свою жену, он не выгоняет ее, даже если она бесплодна. Если это все же происходит, то выкуп свой он получает обратно, за исключением одной коровы, которую дает жене.

В случае, если молодая жена умирает вскоре после вступления в брак, муж вправе потребовать от ее родителя вернуть выкуп за нее, но чаще этот вопрос решается по-другому: если в семье невесты имеется ее младшая сестра, достигшая брачного возраста, то муж взамен умершей получает ее. Если же девочка еще не достигла брачного возраста, то родители заранее обещают («сватают») ее зятю. Подрастая вместе со своими сверстницами, такая «помолвленная», в отличие от них, уже не имеет права свободно вступать в связь с молодыми мужчинами, а только со своим будущим супругом. За этим строго следят, в противном случае семье придется возвращать зятю выкуп.

Существует у сурма и обряд, который перекликается с обрядом обручения. Молодой человек, который имеет намерение жениться на данной девушке, дарит ей ручной браслет *чоле*. За обручением не всегда обязательно следует замужество. Молодой человек может передумать или ему не удастся собрать достаточного выкупа. Реальное право взять девушку замуж, даже если она была обручена, имеет тот, кто первым заплатит назначенный выкуп.

Если других претендентов на эту девушку нет, то все решает договоренность между женихом и отцом девушки. Последний может согласиться на меньший выкуп, чем он желает получить за дочь, с условием, что остальное получит в рассрочку в течение нескольких последующих лет.

Межплеменные отношения в междуречье Баро и Омо. Междуречье Омо, Баро и Кибиса является районом постоянных конфликтов населяющих его малых народов и племен. В основе этих конфликтов — территориальные споры за владение лучшими землями вдоль рек, лучшими пастбищами, а также из-за взаимных краж и угонов стад. Подобные конфликты особенно обостряются в засушливые годы, когда площадь пастбищ сокращается и скот гибнет от бескормицы.

Племена мурси, например, часто находятся во враждебных отношениях с родственными им племенами боди, а время от времени также и с хамар, от которых их отделяет широкая полоса необитаемого буша. Иногда мурси и боди заключают «военный союз» против хамар, но чаще воюют с ними поодиночке. Хамар, со своей стороны, часто находятся в состоянии войны со своими соседями и дальними сородичами каро. Что же касается буми, то они находятся в постоянном конфликте и с хамар, и с каро, и с сурма, нанося последним вред, где только возможно. В результате в этом районе постоянно идет война «всех против всех»²⁸, регулярно случаются малые или более серьезные вооруженные стычки, всегда жестокие и кровавые, где человеческая жизнь ценится очень дешево, а убийство иноплеменника рассматривается как доблесть. Не случайно мужчины здесь гордо демонстрируют культы своих конечностей и шрамы от старых ран. Они делают это не стыдясь, поскольку такие увечья являют собой свидетельства коварных нападений, которыми они в свое время подверглись или, напротив, удачных набегов, в которых они участвовали²⁹.

Помимо увечий существуют и более важные знаки воинской доблести, которые также демонстративно выставляются напоказ. Последние представляют собой шрамы-рубцы, которые мужчины-воины наносят себе сами в соответствии с негласным кодексом воинской чести и побуждаемые честолюбием. Так, воины мурси и боди (весьма близкие по языку и культуре к сурма) наносят глубокие подковообразные насечки на верхнюю часть своих рук (на предплечья) в том случае, если им удалось убить члена чужого племени. Если убитый — мужчина, то насечка делается на правой руке, если женщина — то на левой. На практике же убийства случаются столь часто, что наиболее удачливые воины весьма скоро покрывают насечками все свободное пространство рук и дальше насечки приходится делать уже на бедрах и других частях тела³⁰.

У сурма существует обычай кровной мести, однако в случае, если убийство произошло в результате ссоры между семьями, состоящими в близком родстве или даже живущими в одной деревне, убийца может откупиться (договорившись о размере выкупа с семьей убитого). Обычно выкуп составляет 5 коров и одну девушку-невесту из семьи убийцы (часто этой девушкой является его сестра). Если же убийца из другой деревни или принадлежит к другому клану или народу, то в этом случае кровная месть обязательна и непременно следует ответить убийством на убийство.

Традиционным оружием сурма служат метательные копья и различные ножи, из которых наиболее примечателен двуругий железный нож-браслет, который носят на правом запястье. Это страшное боевое оружие используется в стычках с угонщиками скота из других племен. В настоящее время в ход все чаще пускаются не традиционные копья и браслетные ножи, а огнестрельное оружие самых разных систем, в том числе автоматическое. Сегодня увидеть в руках сурма автомат Калашникова не такая уж редкость, хотя оружие в этих местах, несмотря на недавно завершившуюся в Эфиопии войну, довольно дорого («калашников» с магазином патронов стоит до полутора тысяч бырров, а один патрон на рынке — 2 бырра). Но для сурма это не проблема. По словам Джона Хаспела, американско-го миссионера, проживающего уже 10 лет в селении Тум, сурма платят за оружие золотом, которое намывают в своих горных речках.

Ритуальные поединки. Многочисленные насечки на руках и бедрах молодых воинов свидетельствуют о высокой степени враждебности между племенами всего нижнего течения реки Омо. Внутри же каждой отдельной из групп отношения, как правило, мирные, дружественные и проникнуты духом сотрудничества. Частично же роль выпускного клапана, куда отводится нерастратенная энергия агрессивности, могущая привести к стычкам между сверстниками-соплеменниками и нарушить племенную гармонию, выполняют ритуальные поединки, убийство в которых категорически запрещено.

Среди сурма и родственных им мурси эти ритуальные поединки на палках, называемые *донга*, эволюционировали в специфическую форму спортивно-боевого искусства, которая позволяет молодым мужчинам помериться своей силой и мужественностью, завоевать славу среди сверстников и добиться руки любимой девушки, не рискуя серьезно жизнью.

Палки («донга») напоминают по форме прямой пастушеский посох (в качестве такового их и употребляют в остальное время) или древко копья (без острия) длиной около 6 футов и толщиной примерно в дюйм. Мужчины сурма владеют ими виртуозно. Для них нет лучшего развлечения, чем испытать новичка или чужака на испуг. Для этого, раскрутив донга пропеллером, они неожиданно направляют ее в чью-нибудь голову с таким расчетом, чтобы ее конец просвистел в каком-нибудь сантиметре от макушки. Если молодой человек при этом зажмурится или присядет, то в ответ раздастся саркастический смех присутствующих.

Поединки всегда происходят весной после окончания сезона больших дождей и продолжают в течение трех месяцев. Перед поединками бойцов разделяют на пары в соответствии с ростом и телосложением и соответствующим образом одевают. На голову водружают шлем из бычьей шкуры или коры дерева, который затем обматывают толстым слоем ткани, скрученной в крепкие жгуты. Такое сооружение образует на голове высокий тюрбан цилиндрической формы. Плечи и шею обматывают в несколько рядов толстыми канатами, сплетенными из травы. Жгутами из материи или той же сплетенной травы оборачивают колени и бедра. Ноги — от голени до колена — оборачивают бычьей шкурой. Руки — от запястьев до локтей — обматывают в несколько рядов полосками ткани, а на локти иногда надевают еще и налокотники.

Столь серьезные меры предосторожности необходимы потому, что бальсовый шест-донга весом примерно в два фунта является в руках сурма грозным оружием, способным нанести серьезные увечья. Поединки ведутся без правил, в них разре-

шено все, кроме убийства соперника. Если последнее все-таки случается, то убийца и его семья наказываются изгнанием из деревни, его имущество конфискуется, а если в семье есть дочь брачного возраста, она может быть отдана семье убитого в качестве компенсации.

В атакующем положении шест ухватывается бойцом обеими руками за основание. Левая рука располагается над правой, чтобы достичь наибольшего размаха и получить максимальный эффект рычага ³¹.

Каждый участник стремится нанести как можно больше точных ударов своему сопернику. Цель состязания состоит в том, чтобы сбить противника на землю и не дать ему возможности сопротивляться. При этом борцам зачастую случается получать очень сильные удары и даже увечья, но судья обычно успевает вмешаться до того, как будет нанесен роковой удар.

Перед поединками юноши сурма украшают свое тело боевой раскраской, размешивая в воде мел и охру. Боевая раскраска, состоящая, как правило, из переплетающихся прямых и волнистых линий, призвана устроить соперников. Этому же служат и воинственные песни, распеваемые юношами, когда они вызывают на поединок соперников из соседней деревни. Поединки донга предшествуют смотринам невест и заключению браков. Символический сакральный смысл этих поединков, являющихся экзистенцией мужественности, подчеркивается и самой формой шеста, наконечник которого нарочито выструган в форме фаллоса ³².

В поединках обычно встречаются юноши и молодые неженатые мужчины двух или более селений в возрасте от 16 до 32 лет (т. е. двух возрастных классов). Каждая деревня составляет свою отдельную «команду». Число участников может достигать 50 и более человек и каждый получает право сразиться по крайней мере один раз. По окончании схватки проигравший должен принять свое поражение достойно и удалиться, в то время как победитель выходит в следующий тур и продолжает состязание с другим победителем. Таким образом, число участников состязаний сокращается до тех пор, пока не останутся два соперника, один из которых и станет абсолютным победителем всего состязания. По завершении последнего боя победителя водружают на импровизированный помост из сложенных вместе шестов-донга и, как триумфатора, подносят к группе девушек, наблюдавших за состязанием со стороны, чтобы они между собой решили, какая из них будет просить победителя взять ее в жены ³³.

Участие в подобных поединках считается у сурма и мурси более важным, чем победа в них. Даже если он был выбит в самом начале состязаний, храбрый и решительный боец по-прежнему будет пользоваться среди сверстников почетом.

Искусство сурма. Народы, населяющие нижнее течение Омо, практически не знакомы с современными формами искусства. Тем не менее мир для них наполнен символикой. Символами здесь являются и насечки на теле, и татуировки, и страусовые перья, и хохолок волос на макушке, и губные дощечки женщин, и украшения, и даже некоторые элементы одежды. Было бы, однако, неверным полагать, что безусловно все разновидности украшений, которыми разнообразят свою внешность сурма, имеют строго символическое значение. Нельзя исключать и чисто эстетического отношения к ним. Например, сурма и близкие им каро выработали изысканные и своеобразные традиции «бодипейнтинга» (росписи по телу). Перед каждой ритуальной церемонией мужчины и женщины тщательно расписывают свои тела, чтобы сделать себя более привлекательными для противоположного пола.

Мужчины раскрашивают себя перед боевыми поединками на донга, чтобы придать себе храбрости и устрашить соперника, так же поступают они и перед набегами на территории враждующих с ними племен ³⁴.

Лучшими художниками у сурма являются, как правило, мужчины. Они расписывают краской не только тела друг друга, но украшают таким же образом женщин и детей своего племени. Смешивая с водой природный мел и охру, они покрывают почти все пространство своих тел разнообразными узорами, состоящими из концентрических кругов, полос, параллельных и волнистых

линий, пятен, точек, звезд и пр., подчиняясь собственному представлению о красоте. Их единственным инструментом служат пальцы, что, однако, не мешает им превращать человеческое тело в произведение искусства.

Судя по музыкальным инструментам сурма, можно с большой долей вероятности полагать, что их музыка имеет многие типические общафриканские черты, где основной акцент делается на ритм, ритмический рисунок, а не на мелодию. Музыкальными инструментами сурма являются маленькие цилиндрической формы барабаны (*тамтамы*), палки-трешотки и музыкальные рожки из рогов антилопы.

Искусство сурма имеет не только символическое, ритуальное, но и социальное значение, способствуя сохранению внутриплеменного единства. Оно является также и стихийным выражением первобытного восторга и творческого вдохновения, которые позволяют судить о народах, живущих в бассейне реки Омо, как о людях, способных, несмотря на постоянные межплеменные распри, ценить простые человеческие радости, смеяться и грустить, и восхищаться чудесами мира, которыми он их одаривает.

Примечания

- ¹ Beckwith C., Fisher A., Hancock G. African Art. L., 1990. P. 249.
 - ² Современная Эфиопия. М., 1988. С. 26.
 - ³ По утверждению Конти Россини, язык народа *мекан* (или *шуро*, как их называют в провинции Кэфа) практически не отличается от языка сурма, а в языках сурма и сури насчитывается до 30—40% общих лингвистических корней. См.: Cerulli E. Peoples of South-West Ethiopia and its Borderland. L., 1956. P. 43.
 - ⁴ Beckwith C., Fisher A., Hancock G. Op. cit. P. 249.
 - ⁵ Cerulli E. Op. cit. P. 38.
 - ⁶ Ibidem.
 - ⁷ Ibid. P. 39.
 - ⁸ Ibid. P. 42.
 - ⁹ Ibidem.
 - ¹⁰ Lyth R. The Suri tribe//Sudan Notes and Records. V. XXVIII. P. 108.
 - ¹¹ Cerulli E. Op. cit. P. 45.
 - ¹² Ibidem.
 - ¹³ Ibid. P. 47.
 - ¹⁴ Ibid. P. 43.
 - ¹⁵ Beckwith C., Fisher A., Hancock G. Op. cit. P. 268.
 - ¹⁶ Кожаный передник (или юбочка) *кода* широко распространен среди почти всех народов, населяющих междуречье рек Омо и Баро. Название *кода* также является общим для всех этих народов. Оно упоминается еще в дневниковых записях русского путешественника А. К. Булатовича, посетившего эти места в конце XIX в.
 - ¹⁷ Beckwith C., Fisher A., Hancock G. Op. cit. P. 251.
 - ¹⁸ Ibidem.
 - ¹⁹ Lyth R. Op. cit. P. 111—112.
 - ²⁰ По свидетельству русского путешественника А. К. Булатовича, верховное божество большинства племен, населяющих долину р. Омо, зовется Тума (также Тумо или Тумму), что явно перекликается с названием неба — *кума*. Жертв, по наблюдениям Булатовича, они ему никаких не приносили.
 - ²¹ Cerulli E. Op. cit. P. 49—50.
 - ²² Совершенно по-иному описал обряд погребения у сурма Э. Черулли. По его сведениям, о смерти человека возвещают громкие крики всех присутствующих при ней. Затем извещаются родственники и друзья покойного, в том числе живущие в соседних селениях. Затем справляются общие поминки, основным угощением которых является мясо (которое в обычное время едят очень редко). Тело погребают возле деревни. Покойника кладут в могилу в скрюченном положении (в «позе эмбриона»: колени к голове). Руки, ноги и голову связывают лианами, а все тело посыпают в могиле золой древесины особой породы. Погребение в землю, по Э. Черулли, происходит далеко не сразу, а, напротив, значительное время спустя. Сразу же после смерти в определенных точках тела покойного делают раскаленным докрасна ножом проколы, возможно, чтобы замедлить процесс разложения. Тело заворачивают и зашивают в бычью шкуру, а затем подвешивают к опорному (центральному) столбу в хижине умершего, где оно остается висеть до следующего урожая, а члены семьи умершего постоянно навещают его там. Если покойник принадлежал к сословию вождей или старейшин (*комурутов*), то тело бальзамируется более тщательно и оно остается висеть в хижине в продолжение не одного, а семи земледельческих сезонов, и все это время его навещают родственники покойного, приносящие ему еду и питье.
- Столь значительное расхождение в описаниях погребального обряда сурма может означать одно из

двух: либо за последние сорок лет, прошедшие с момента издания книги-справочника Э. Черулли, погребальные обряды сурма под влиянием соседних, более развитых культурно народов, значительно упростились, либо Э. Черулли приводит описание погребального обряда не сурма, а какого-то другого, возможно, соседнего или родственного им племени.

²³ Молодой сурма по имени Реге Олегулень, встреченный и проинтервьюированный мною на базаре в Маджи, внес брачный выкуп за свою жену (она у него единственная) четырнадцать коровами. Родственники ему не помогали и для того, чтобы собрать требуемый выкуп, ему несколько лет приходилось мыть золото.

²⁴ Стоимость одной коровы составляла в тех местах весной 1992 г. от 200 до 500 бырров. Таким образом, выкуп за невесту колебался в пределах от 2 до 10 тыс. бырров. Хотя, по некоторым сведениям, брачный выкуп за невесту порой доходил до 50 коров, а значит, до 20—25 тыс. бырров (1 бырр равнялся тогда \approx 0,5 долл. США).

²⁵ Сведения Э. Черулли относительно того, что брачный возраст у девушек сурма наступает в 14 лет, не подтверждается ни моим информатором, ни современными наблюдениями американских ученых. Неточным является и утверждение Черулли, что брачный договор между молодым человеком и отцом девушки заключается, когда она является подростком 8—13 лет. Здесь Э. Черулли описывает частный случай, а не общее правило. Такой предварительный сговор (помолвка), если он не сопряжен с немедленной уплатой выкупа за девушку, не является у сурма обязательным и окончательным. Он может быть расторгнут, как и помолвка, если молодой человек передумал или не собрал требуемого выкупа. Лишь в том случае, если выкуп выплачен заранее, помолвка заканчивается браком, и только тогда, когда девушка достигнет брачного возраста. См. соответственно: *Cerulli E. Op. cit. P. 44; Beckwith C., Fisher A., Hancock G. Op. cit. P. 270.*

²⁶ *Cerulli E. Op. cit. P. 45.*

²⁷ Еще до брака девушка, достигшая брачного возраста, продолжая жить у родителей, заводит собственное небольшое хозяйство, имея право на определенную часть общего урожая семьи.

²⁸ *Beckwith C., Fisher A., Hancock G. Op. cit. P. 250.*

²⁹ *Ibidem.*

³⁰ *Ibidem.*

³¹ *Ibidem.*

³² *Ibid. P. 287.*

³³ *Ibid. P. 250.*

³⁴ *Ibid. P. 257.*

The Surma of Ethiopia (in the Wake of an Ethnographic Field Trip)

This ethnographic essay had been written on the basis of the materials of the 1992 joint Russia-Ethiopia ethno-sociological field trip. One of the least studied and hardest to access small peoples of Ethiopia is addressed, namely, the Surma (Suri-Surma-Mekan group) of the Nilot language family. The Surma life style, their traditional culture and ceremonies are described.

A. Krenkov

© 1995 г., ЭО, № 6

О. Г. Олейник

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ПАЗЫРЫКСКОЙ АРФЕ

«...История музыкальных инструментов не менее, а порой более интересна, чем история знаменитых бриллиантов или картин».

P. Садоков. Тысяча осколков золотого саза.

Взяться за перо меня заставила проблема, которая уже не одно десятилетие волнует исследователей. Что же это за инструмент пазырыкская арфа? Какое место ей отводилось в жизни племени? Эти и другие вопросы еще ждут своего ответа. Археологи не часто могут похвастаться находками музыкальных инструментов. Если такое и происходило, например в Египте, Месопотамии, Сирии,